

Сладок ли американский хлеб?

ИЛЬХАН СЕЛЬДЖУК

Продовольственная проблема в Турции — одна из самых острых.

О причинах этого пишет известный турецкий публицист Ильхан Сельджук на страницах газеты «Джумхуриет».

МНЕ позвонил один мой читатель, судя по акценту, из юго-восточной Анатолии: «Не объясните ли мне, в чем суть «пшеничного вопроса»? Мы только об этом и говорим, но в голове у меня полная путаница. Помогите разобраться».

Поможем.

Мы, турки, потребляем очень много хлеба. Об этом даже есть поговорка: «Хлеб да сыр — вот и вся еда». Такие продукты, как рыба, мясо, яйца, — частые гости только на кухнях состоятельных семей. В большинстве случаев наш соотечественник

глотает на обед простой суп с хлебом. Отсюда вытекают и наши главные продовольственные затруднения. В передовых странах потребляют много рыбы, мяса, яиц, а в остальных странах, и у нас в том числе, — продукты зернового хозяйства.

Но и они не всегда в достатке. Стоит испортиться погоде, как производство пшеницы, которое ведется примитивным способом, резко сокращается. В этом году мы опять были вынуждены ввозить пшеницу из-за границы вследствие того, что погода была неблагоприятная. Как известно, пятилетний план предусматривает рост национального дохода на семь процентов. Покуда погода благоприятствует урожаю, мы на уровне требований плана. Но стоит случиться неурожаю, и все наши планы рушатся. Значит, и планы наши зависят от погоды.

В этом году в области сельского хозяйства появилось новшество — семенная пшеница сорта «сонора-64», которую мы получили из Америки. Она испытывалась в разных уголках Анатолии. Говорили, будто при помощи этих семян Америка превратила Мексику в пшеничную кладовую. Да, это так, но что от этого получила Мексика? Национальный доход в 300 долларов на душу населения, богатых компраторов и положение отсталой страны с нищими крестьянами.

Но, как бы то ни было, люди у нас диву давались во время испытаний. На одном стебле выросло сразу по 15—20 колосьев. Правда, по окон-

ГАЗЕТЫ?

В нашем доме им нет места!

РАССКАЗ

АЗИЗ НЕСИН

Азиз Несин широко известен. Его острое талантливое перо вскрывает социальные язвы современной Турции. Публикуемый здесь рассказ разоблачает современную буржуазную прессу, на страницах которой обильно произрастают все сорта «клубнички» вплоть до самой беспардонной порнографии.

— Говорят, в вашем доме наложен запрет на газеты! — со смехом сказал я приятелю за обеденным столом.

Он повел глазами на детей, приложил палец к губам и прошепел: «Тсссс!..».

Когда дети ушли играть в сад, он взорвался:

— Как можно допустить, чтобы в дом, где растут дети, попадали газеты? Сколько крови они нам испортили! Вот однажды:

— Бабушка, что такое стриптиз? — спрашивает старший — он ходит во второй класс. Бабушка — моя мать — занята: гладит белье — и в долгие разговоры не пускается.

— Замолчи! И где ты набираешься таких слов? Да за это тебе следует перцу на язык насыпать! Подхватывает всякие гадости!

— Я нигде ничего не подхватывал, бабушка, в газете так написано: «Звезда стриптиза»... — отвечает сын.

— Замолчи, говорю тебе! — прикрикнула бабушка и без дальних слов отняла у мальчика газету.

Сын ко мне.

— Папа, что такое стриптиз?

— Принеси газету, я посмотрю. Принес. М-да... Фотография впечатляющая!..

Стал я объяснять сыну, что все это означает, и остальная малышня тут как тут.

— Вот видите эту фотографию... Если тетенька снимает с себя пальто, потом кофточку и так далее — это и называют «стриптиз».

— А мальчики могут делать стриптиз? — Это уже дочка интересуется.

— Нет, только тетеньки.

— Почему?

Что на это скажешь?

— Мужчины не делают, — говорю, — только женщины.

— А я буду делать стриптиз?

— Еще чего! — опять закричала наша бабушка.

— Ты не будешь, дочь моя, — сказал я внушительно.

— Бабушка, а ты делала стриптиз? — спрашивает вдруг девочка.

— Учи, учи!.. — накинулась на меня мать и, качая головой, ушла в кухню.

В тот вечер мы ждали к ужину гостей: должны были прийти три моих приятеля с женами — режиссер, инженер, финансист. Жена режиссера раньше была танцовщицей. Об этой женщине говорили разное. К тому же она была очень ревнива и все время ссорилась с мужем.

Женитьба финансиста тоже дала пищу злословию. Его застали «на месте преступления» с сотрудницей — замужней дамой. Оскорбленный супруг пошел на уступку: если они поженятся, он откажется от тяжбы. Пришлось жениться. А первая жена финансиста сама попала в какую-то ис-

чании испытаний стало ясно, что «сонора-64» — не волшебная лампа Аладдина, и Турция опять вынуждена будет прибегнуть к импорту пшеницы: плохая погода вновь дала себя знать. Вай-вай! Мы купили у Америки тысячи тракторов, а Анатолия стала кладбищем сельскохозяйственной техники. Мы купили у Америки тонны семенной пшеницы, а Анатолия под угрозой голода. Выход один — импортировать пшеницу у дяди Сэма. Все было предусмотрено. Мы только заикнулись: «Трактора!» — и трактора с маркой «США» уже готовы. Мы только заикнулись: «Семена!» — а мешки с маркой «США» уже готовы. О аллах, ничто не помогло! «Купить пшеницу!» — едва подумали мы, — а пшеница с маркой «США» уже к нашим услугам.

США продают излишки пшеницы таким нищим и отсталым странам, как наша Турция. А чтобы дело выглядело respectable, так, будто она заботится о турецком народе, Америка идет на уступки: мы можем покупать американскую пшеницу за свои деньги. Ясно всем, какие валютные трудности испытывает наша страна. Чтобы купить за доллары пшеницу, мы вывозим на мировой рынок подчистую весь урожай табака, хлопка, винограда, орехов. Вот Америка и говорит: «Доллары вам не по карману. Половину долга за пшеницу платите нам поэтому турецкими лирами, а вторую половину погасите постепенно долларами. Только одно условие: турецкие лиры за американскую пшеницу должны лежать в турецких банках на

нашем счету, а мы их будем расходовать в Турции, как захотим». Таким образом, Америка стала обладателем счетов в сотни миллионов лир в турецких банках.

Встречаясь в банке с турецким предпринимателем, американский капиталист предлагает: «Ты человек оборотистый. В Анкаре у тебя много друзей. Предлагаю тебе свои деньги в турецком банке. Ты построишь завод по производству крахмала, но все необходимое оборудование выпишешь из Америки...».

Так наши деньги за пшеницу в руках американцев становятся орудием политики. Компрადоры процветают, прибыли их растут как на дрожжах. А если в карман деловых людей Турции миллионами текут дармовые денежки, стоит ли удивляться, что они превращаются в американских прихлебателей? Что в Турции широко открыт кошелек для проамериканских партий, что сотни тысяч лир тратятся на Общество борьбы с коммунизмом и другие реакционные организации?

Наши деньги за американскую пшеницу работают, как насос. Американские подручные получают двойную прибыль, а по мере их обогащения усиливается борьба с коммунизмом, укрепляется реакция, сотни и тысячи реакционных организаций поднимают знамя борьбы против идей Ататюрка, получая деньги, источник которых всем известен. Вот, мой любезный читатель, и вся «пшеничная история».

тории: ее имя даже в газетах мелькало.

Жена третьего гостя, молодой инженер, была известной кинозвездой.

Я, надо сказать, давно питаю слабость к кино. И приятелей уговорил вчетвером организовать кинокомпанию. В этот вечер мы собирались обсудить наши планы. Я должен был писать сценарии, финансист и инженер обещали вложить в дело капитал, жена инженера — играть главные роли, режиссер — снимать фильмы.

Пришли гости. Дети выются вокруг. Дамы любят наших детей. И тут, слышу я, мой старший сын говорит жене режиссера, бывшей танцовщице:

— Тетя, вы умеете делать стриптиз?

Ведь она непременно решит, что это мы подучили ребенка! Я от неожиданности даже перхнулся:

— Хы, хы, хы... Это он сегодня в газете прочитал. — И осклабился — улыбаюсь гостю.

Черт бы их побрал, этих детей!

— Но, папа, — опять вылез старший, — ты нам не дорассказал, зачем они раздеваются?

Жена моя поскорей увела детей. Мы стали говорить о фильме. Да только сын опять

влетает в гостиную с газетой в руках и прямо к жене инженера:

— Тетя, что такое «веселенький дом для публики»? Вот здесь картинки есть... Смотрите...

— Иди сюда, — сразу же вмешался я. — Иди, я тебе объясню... — Дом для публики...

А сам, чтобы спасти положение, обращаюсь к гостям:

— Ребенок... Дети — любознательный народец! Что увидят, прочитают в газетах — обо всем расспрашивают.

— Да ну, папа, дальше!..

— Дом... Обыкновенный дом, только для широкой публики. Это значит, там много народу.

— А наш дом тоже веселенький?

Гости засмеялись.

— Нет, — отвечаю я серьезно. — Наш дом частный...

Тут является дочка с воскресным приложением и направляется к кинозвезде:

— Тетя, прочитай, что говорит эта тетя...

— Какая тетя?

И гостя читает в газете фамилию знаменитой киноактрисы.

— Эта тетя говорит: «Путь к славе лежит через объятия режиссера».

— Вздорные газетные выдумки, — фыркнула жена режиссера.

— Папа, а почему путь лежит через объятия режиссера?

— Дочь моя, а разве ты не обнимаешься иногда со мной?

Жена инженера поднялась с кресла.

— Мы, с вашего позволения, уходим.

— Но еще рано, помилуйте. А ужин?

— Обиделась, — заметила супруга режиссера.

— Помилуйте, на что мне обижаться? Что из того, что неразумный ребенок спросил о публичном доме? Почему вы вдруг переменялись в лице?

Жена финансиста тоже поднялась:

— И нам пора...

— Господа, прошу вас... Приношу вам тысячу извинений... Если наши дети...

Но они ушли. Конечно, вся затея с фильмом провалилась, да вдобавок трое моих приятелей и их жены обиделись на нас и друг на друга.

Жена устроила взбучку детям, мы с трудом вырвали их из ее рук. Бить — это непедагогично... Вот с того дня я и запретил выписывать газеты. Я читаю газеты на службе, тайком приношу домой, и жена читает их по ночам в постели...

Перевели с турецкого
Г. Александров и К. Глазунова